

Глеб Карпинский

Мечта о Мексике

Весёлая История

Глеб Карпинский

Мечта о Мексике. Весёлая история

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Мечта о Мексике. Весёлая история / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938365-5

«Мечта о Мексике» — это весёлая история о том, как самодостаточный и имеющий на все свое собственное мнение пенсионер из России, устав от надоедливых родственников и нерешенных проблем, решил исполнить свою давнюю мечту — полететь в Мексику. Что из этого получилось, Вы узнаете из этой книги.

ISBN 978-5-44-938365-5

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

МЕЧТА О МЕКСИКЕ	6
Бар открывается только на высоте семь тысяч метров	10
ЗОНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мечта о Мексике Весёлая история

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

Фотограф Глеб Карпинский

© Глеб Карпинский, 2019

© Глеб Карпинский, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-8365-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕЧТА О МЕКСИКЕ

Анатолий Петрович посмотрел на свои часы. До взлета оставалось немного, давно объявили посадку, а он все медлил. Он отошел от табло и подошел к окну, через которое видно было посадочное поле. Шел снег, и это было символично. Что ж! За спиной седьмой десяток, разведенная жена с кучей любовников, две взрослых дочери и пятеро внуков, да еще старик-отец, полностью выживший из ума и паразитирующий на его терпении. Ну, что еще? Да, пожалуй, Людка из Сыктывкара, но это все какие-то сантименты...

Он встал в очередь за молодой парой, видимо отправляющейся в Мексику на отдых. За спиной рюкзаки. Они что с палатками едут что ли? Ну, бог с ними! Молодежь! Вот он в свои двадцать лет был героем труда, тружеником, начальство без него как без рук, он и отпуска не видел, отказывался, да какой отпуск, когда стране нужен план.

«Ну, Петрович, как же это ты решился?» – спросил он вдруг себя.

«К черту все, сколько можно, хватит, пора и честь знать!» – вот такие мысли появлялись в голове нашего героя, пока очередь медленно двигалась к стойке регистрации.

Потом в голове запел предательский мотив Малинина «Поручик Галицын, а, может, вернемся?» Терпеть не мог он Малинина, а тут, зараза, привязался.

Буквально на днях Анатолий Петрович продал свой огород в четыре сотки. Ну, огородик так себе, не на Рублевке, но поближе к столице. Почти тридцать лет сажал там картошку с капустой, дачи не построил, лишь сарайчик от дождя. Дачи не строил намеренно, не потому что денег не хватало. Наоборот хватало! Просто, зачем строить хоромы, когда все равно помирать. Вот так всю жизнь и просуществовал этот огородик в четыре сотки, зарастая травой и малиной, в окружении коттеджей и вилл. Не жалко огорода! Хотя жаль виноград. Его Анатолий Петрович все же любил. Хотя, если бы его кто спросил, любил ли он кого в жизни, он ответил бы, что глупости все это, или еще более угрожающей фразой «Чего?». Так что лучше не спрашивать.

Но читатель должен знать все об Анатолии Петровиче. И если и любил что Анатолий Петрович по-настоящему, так это этот виноград Изабелла, удивительно живучий в наши московские морозы. Да и вино из него отменное получалось. При правильном уходе и обрезке виноград вызревал, хотя конечно раз на раз не приходилось. Вот прошлым летом не вызрел, но Анатолий Петрович – умный мужик, добавил мед и приготовил вкусное вино. И пил его в одиночку, иногда с бывшей женой и соратницей по коммуналке, но большей частью в одиночку. Так надежнее как-то.

– Ваш билет и паспорт! – спросили его вдруг на стойке, и наш герой протянул документы.

– Проходите, сеньор Синичкин!

«И все? Так вот легко?» – не унималось в голове.

Люди погрузились в автобус, кто сидел, кто стоял. Анатолию Петровичу уступили место. Видимо, его грузный вид измотанного, уставшего человека вселял людям уважение, а, может,

даже сочувствие у молодой женщины. Он присел на ее нагретое место, побеспокоил рядом сидящего мужичка в деловом костюмчике, читающего газету на испанском.

– Ну все, поехали? – сказал Анатолий Петрович на весь салон, но автобус не спешил. Может, рейс задерживается.

Он невольно посмотрел на женщину, которая уступила ему место. Молодая, красивая, около сорока лет, стройные ноги, вот пожалуй и все, что увидел Анатолий Петрович.

– Да-с... – сказал он вслух и достал из кармана початую бутылку виски.

– Как Вас пропустили? – искренно удивилась женщина. – У меня две бутылки отобрали, сказали «нельзя».

Он посмотрел на нее уставшими глазами, сделал паузу и отвинтил крышку бутылки.

А почему, правда, у него не забрали алкоголь, хотя черным по белому предупреждали, что с собой ничего не проносим?

– Да-с, не посмели! – и он опрокинул бутылку в свое иссохшее горло.

Мужичок в костюмчике еще больше отодвинулся к окну, и Анатолий Петрович позволил себе по-барски раздвинуть ноги.

– Да-с, не посмели! – зачем-то он еще раз сказал эту фразу, и ему она очень понравилась своей многозначительностью.

На этот раз он взглянул в лицо этой женщины и увидел обычное русское лицо, светлые волосы, серые глаза, небольшой рот.

– Можно? А то я так волнуюсь! – улыбнулись эти тонкие губы, и он протянул ей бутылку.

– Отличный виски! – пригубила женщина.

– Э... нет... не отличный... полное г...! – выругался Анатолий Петрович, – чай со спиртом, дурят нашего брата! Но ничего! Русская печень все стерпит, все!!!

И Анатолий Петрович показал в потолок свой мощный кулак. Да таким кулаком в свою молодость он быка валил, да и сейчас есть еще силы, есть!

Женщина улыбнулась, не замечая его грубость, и сделала еще один скромный глоток.

– Вы знаете, там у них текила с солью, ух... гонят из кактусов, пробовали?

Анатолий Петрович покачал головой, думая про себя, что эта женщина и не такой уж плохой собеседник.

– Зачем Вам туда? – спросил он ее напрямик, – зачем?

Она опять улыбнулась и отдала ему почти уже пустую бутылку. Затем она наклонилась к Анатолию Петровичу так, что ее белокурая прядь тронула морщины на его потном лбу, и он невольно вдохнул хороший женский запах.

– В Мексике можно неплохо заработать на продаже человеческих органов, – прошептала она на ухо Анатолию Петровичу, – там хороший кокс, самые древние пирамиды, ну и лучшие пляжи само собой.

Анатолий Петрович посмотрел на нее, пытаясь понять, шутит она или говорит правду, но автобус тронулся, и женщина перехватила за поручень и отвернулась.

– Ну что там пишут-то? А? – не унимался Анатолий Петрович.

На этот раз жертвой его любопытства был сосед в костюмчике.

– Да ничего особенного. Вот нападение вооруженных бандитов на целую деревню, перекрыли мост и целый день грабили крестьян, уносили все, что можно, даже старые телеги, дикари!

– Да-с! – многозначительно икнул Анатолий Петрович и поставил пустую бутылку себе под ноги. – Да-с.

Он представил, как вооруженные бандиты заходят к нему на огород в надежде пожиться морковкой. «Ну, бл..!», – кричит им Анатолий Петрович, хватая лопату и еб..ша их с плеча. «Капиталисты, бл..!».

Автобус качнуло, видать, приехали. Люди стали выходить и подниматься по трапу самолета. Снег по-прежнему шел.

«Насколько я еду, а? – подумал Анатолий Петрович, пропуская вперед пассажиров, – ну на год где-то, если дед не помрет, хотя наверно, старый хрен всех нас переживет!»

И тут он хотел было сделать шаг назад, то есть отказаться от этой поездки, и на это Анатолий Петрович был способен, ему не жалко было денег, он вообще их никогда не считал, даже когда их и не было.

– Давайте я Вам помогу! – услышал он знакомый голос своей собеседницы. И она протянула ему руку.

– Зачем Вам этот прутик? – удивилась попутчица.

– Прутик? – Анатолий Петрович нахмурился. – Это, дорогуша, не прутик.

Он действительно держал в руке черенок винограда.

– Это память, это черт знаешь что!

Он встал ногой на трап и еще раз оглянулся. Все было уже в снежной пелене, пустой автобус еще стоял и тархтел у трапа, словно специально ждал его, Анатолия Петровича.

– Скажите, Вы зайцев боитесь? – спросил он свою навязчивую собеседницу, грузно поднимаясь по трапу, но она ему не ответила.

«Интересно, что сказала бы Людка, если бы увидела меня, поднимающегося по трапу самолета, улетающего в сторону Мексики, ну, что бы она сказала, увидев меня, держащего за руку вот эту мадам?»

И он четко представил Людку, крутящую пальцем у виска. На этот раз, наверно, она была права.

– А Вы случаем родом не из Сыктывкара? – успел спросить он обозленную на его медлительность стюардессу, когда за его спиной тронулся трап.

Бар открывается только на высоте семь тысяч метров

– Пожалуйста, не занимайте проход, – улыбнулась ему стюардесса в белоснежной блузе с длинными рукавами и желтой, бросающейся в глаза, юбке.

Анатолий Петрович почесал затылок, растерянно оглядываясь по сторонам. Раньше он никогда не летал на таких самолетах. Разве что иногда в Минск, когда был мальчишкой, пиво дешевое попить. Там оно стоило в разы дешевле, а разница с лихвой покрывала затраты на билеты. Паспорта не требовались. Время полета занимало обычно часа полтора, так что приходилось прогуливать уроки, а к обеду уже быть дома, по дороге поливая каждый куст.

«Эх, было время...», – вздохнул он с ностальгией.

– Какое Ваше место? – разбудила его от дум стюардесса и, осторожно выхватив из его медвежьей лапы билет, указала в сторону хвоста самолета. – Вон туда, пожалуйста. У иллюминатора. Проходите, проходите! Скоро взлетаем.

Она все еще улыбалась, но видно было, что медлительность и неповоротливость Анатолия Петровича раздражали ее. Он действительно вел себя, как слон в посудной лавке, наступая незадачливым пассажирам на ноги и задевая их ручные клади.

– *Pacta sunt servanda*, – загадочно погрозил стюардессе указательным пальцем Анатолий Петрович.

– Я не понимаю, – виновато улыбнулась она и невольно шмыгнула напудренным курносом носиком, пропуская Анатолия Петровича мимо себя.

– *Pacta sunt servanda*, – повторил он опять уже громче, и, видя недоумение пассажиров, с одолжением перевел: «Договора должны соблюдаться».

Где он слышал это латинское изречение, он не помнил, но оно прекрасно подходило его солидному, никуда не спешащему виду.

Протискиваясь вперед, он задел стюардессу своим животом, обходя ее со спины, и явно смакуя ее недовольное кряхтение. Ее упругая попка напомнила ему теннисный мячик.

«Где их таких подбирают? – подумалось ему, и он представил себя размахивающим ракеткой на корте и вдруг нахмурился.

На той стороне, через сетку, его ждала с бигуди на голове, упершись кулаками в бока, Людка из Сыктывкара.

«Блин, поиграть что ль нельзя...», – оправдывался он, пытаясь развеять навязчивый образ и подавал подачу.

По пути к своему месту, он почему-то кивнул неказистому священнику, облаченному в длиннополую черную одежду. У того только-только начинала курчавиться борода и расти пушок на бакенбардах, а он уже имел степенный вид страдальца, повидавшего многие виды.

Его глаза были наполовину закрыты роскошными, пушистыми ресницами. Казалось, молодой священник уже парит в облаках, отсчитывая своими четками минуты встречи с Богом. Он бросил вялый, отрешенный от всего мирского взгляд на Анатолия Петровича, кивнувшего ему и как бы склонившемуся в услужливом поклоне, и слегка приподнял правую руку, скорее по привычке, для благословения или поцелуя. Но Анатолий Петрович, будучи заядлым атеистом, сделал останавливающий знак ладонью и шепотом произнес:

– Больше ни-ни!

Затем, словно распознав в темноте привидение, он отмахнулся от священника, чем вызвал на безмятежном лице того легкую блаженную ухмылку уголком рта.

– Тыфу ты, думал, зять младшей померещился, – оправдывался перед народом Анатолий Петрович. – Того тоже передернуло как-то, когда обпился. Спрашивает, верю ли я в Бога. Ну, я ему кулак показываю. Чего? Чего ты несешь, черт! Иди, опохмелись. В какого Бога? Это Тот, кто допускает избиение младенцев? А когда бьют, говорит – терпи?

– Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, – уточнил елейным голосом священник, все еще находясь в нирване.

Слова у него вылетели также, по привычке, словно на зазубренном уроке в семинарии.

– Чего? – возмутился наш герой, выпучив глаза, и, понимая, что продолжение разговора с религиозными фанатиками бесполезно, продолжил путь.

– Утешайся Господом, и Он исполнит желание сердца твоего, – промолвил сочувственно священник уже вдогонку и перекрестил «заблудившегося в бездне».

– Вот-вот и я о том же... – икнул Анатолий Петрович. – *Pacta sunt servanda*.

Юрасика, бывшего зятя младшей, Анатолий Петрович ценил больше всех на свете. И все это шло от какого-то семейного мазохизма, неизбежного и непонятного здравому рассудку положения, ибо сам Юрасик, побывав однажды в горячей точке, окончательно слетел с катушек и делал всегда то, что хотел, не неся при этом никакой ответственности. Результатом такой философии стал дуэт дико орущих погодок, постоянные шатания молодоженов от любви до ненависти, да последующий за этим бракоразводный процесс, за время которого родилась еще одна девочка, а также планировались и другие. Все это Анатолий Петрович видел наглядно, так как младшая дочь с детьми жила у него в соседней комнате, а зять был приходящим и уходящим с самого первого с ним знакомства.

«Чего это я в тебя такой влюбленный, не понимаю, – часто говорил он зятю словами из фильма „Свадьба в малиновке“. – Идиот идиотом, но... Дочь от него без ума. Пусть дружат. Ну а детей можно и государству сдавать даром. Пусть само воспитывает».

Отойдя на несколько шагов, Анатолий Петрович быстро забыл минувшее, наткнувшись на вполне современную, молодившуюся старушку. Он очень удивился, так как женщина где-то уже успела переодеться, словно для прогулки на пляж. На ней были шлепанцы, летние бриджи и майка с надписью «Rai». Она пыталась закинуть наверх свой кожаный саквояж, но так как

была небольшого росточка, то ей это не удавалось. Приходилось вставать на мысочки и даже подпрыгивать.

«Надо было деда с собой брать! Гимнастикой бы с ней занялся, йогой или какой-нибудь еще хренью, расшевелился бы. Интересно, где эта чокнутая из склепа успела переодеться? Или ее подвезли к трапу на отдельном катафалке?»

К женщинам он всегда относился пренебрежительно, как к ущербному полу, годному лишь для варки борща и рождения детей. Да и то с этими ролями в современном мире они плохо справлялись. Идеалом для него всегда была Жанна Д'Арк, мужественно сторающая в огне инквизиции и проклиная англосаксов.

– Я склонюсь над твоими коленями, обниму их с неистовой силою, – пропел неизвестно откуда взявшиеся слова Анатолий Петрович, беря у прыгающей старушки саквояж, чтобы помочь запихнуть его на верхнюю полку. Малинин явно был сегодня в топе.

– Не надо над моими коленями, – завизжала неприятно она. – Я сама справлюсь. Всюду Вы, мужики, со своей помощью лезете, а у самих одно на уме. Отдайте мой саквояж немедленно!

– Увы, не дева Орлеанская, – прервал романс Анатолий Петрович и сделал многозначительный акцент на «увы». – Увы...

Старушка оказалась не промах и быстро парировала, задыхаясь от злости.

– Да и Вы далеко не Энрике Иглесиас...

– Очарована, околдована, с ветром в поле когда-то повенчана... – попытался реализоваться и довольно неплохо пропел басом Анатолий Петрович.

Кто-то даже заплодировал в салоне.

– Не-а, не Карузо, – покачала головой старушка. – Верните саквояж и идите дальше лесом!

– Что у Вас там? Бомба? – спросил тогда наш герой.

Весь салон опасливо посмотрел в их сторону.

«Ужасная, просто ужасная майка... – подумал Анатолий Петрович. – К чему вся эта пошлость? Нет, пожалуй, пусть старый хрен сидит лучше дома».

Он всучил саквояж хозяйке с каким-то показным разочарованием, и та, вцепившись в свое добро скрюченными пальцами, украшенными множеством колец, не удержалась и присела на подлокотник кресла. От этого она стала еще злее и прошипела, как отброшенная змея, готовая в любой момент ужалить:

– Шутить изволите, молодой человек! Не умничайте, а буяннить начнете, на лету высадим.

И хотя сам тон был враждебный, а «молодой человек» произнесли с явной издевкой (Анатолию Петровичу было далеко за шестьдесят пять), он почел это даже за комплимент.

– Ох, ох, ох, что ж я маленький не сдох, – захохотал на весь салон «молодой человек» и пошел медвежьей походкой к своему месту.

Место у него было, как и сказала стюардесса, у самого иллюминатора, но он за неимением соседа предпочел сесть поближе к коридору. Отсюда было легче выбираться. Погрузив свое тело в мягкое кресло, он широко расправил плечи и бросил взгляд сквозь затуманенное стекло. Все было в пелене снега. Огни аэропорта тоскливо мерцали, как новогодние гирлянды на елке, и манили его на чей-то родной праздник. Опять в голове зазвучал Калинин.

– Поручик Галицын, а, может, вернемся? Зачем нам, поручик, чужая земля? – выдохнул Анатолий Петрович перегаром, изнемогая от скуки.

Для него, с одной стороны, было счастьем, что рядом с ним никого не было, и он мог свободно разместиться, облокотившись на тесные подлокотники, и вытянуть ноги. Но, с другой стороны, ему хотелось с кем-нибудь поговорить, отвлечься от тоски и скуки, и его пытливый взгляд искал себе следующую жертву.

«Неужели вот так пятнадцать часов куковать?» – размышлял он, прижимая к груди черенок винограда и тяжело вздыхая.

– Thank you for choosing... Enjoy your flight! – закончила свое приветствие стюардесса на чистейшем английском.

Платочек на ее лебединой шее был повязан каким-то веселым, необычным узлом и совсем не шел к строгой пилотке. Эта была милая девушка, следящая за своей внешностью, с приятным лицом и бездонными, как серое небо, глазами. Волосы у нее были аккуратно убраны назад, и на обнаженных ушках сиял блеск бриллиантов. Про таких гордо говорили – лицо компании, и, казалось, и вправду, сама девушка старалась своим внешним видом никого не разочаровывать.

Ее четко выверенные, полные энтузиазма движения, показывающие пассажирам, где находятся аварийные выходы, околдовывали Анатолия Петровича.

«Ей бы на перекрестке сломанным светофором работать, – предположил он. – Хотя нет... Все водители шеи свернут».

Самолет был наполовину пуст, хотя чтобы достать билеты на этот рейс Анатолию Петровичу пришлось изрядно потрудиться. Пытаясь еще удобнее вжаться в свое кресло, занимая невольно пространство соседнего, он попытался вникнуть в смысл информации, льющейся из алых и как ему, казалось, еще не целованных мужчиной уст.

– Вот она дева Орлеанская! – восхищался он мысленно. – Кто спасет тебя от мракобесов-безумцев? Истинная Жанна... И как символично... Стюардесса по имени Жанна...

Впервые за вечер репертуар Малинина был заменён на шлягер Преснякова-младшего, и Анатолий Петрович вознамерился при удобном случае непременно уточнить имя стюардессы.

– На борту самолета на протяжении всего полета запрещается употреблять свои спиртные напитки, курить, передвигаться по салону без надобности, трогать и дергать за ручки аварийных выходов..., – повторила идеальная женщина уже по-русски, почему-то поглядывая на Анатолия Петровича.

– Елки-палки! Куда я попал? – выдохнул тот с видом человека, вдруг осознавшего, что его права будут сильно ограничены. – А трап уже уехал? Мосты сожжены?

И хотя дерганье за незнакомые ручки на борту летящего самолета не входило в планы нашего героя, но выпить он хотел. Так сказать, на посошок.

Тем временем, стюардесса проходила по салону и проверяла, пристегнуты ли пассажиры. Анатолий Петрович никогда в жизни не пристегивался. Он вообще не любил какие-то правила. Он просто накинул ремень безопасности на живот, думая, что и так прокатит, и, напевая себе под нос свою «стюардессу», тарабанил нервно пальцами по впереди находившемуся креслу. Пассажир на нем, чувствуя эту постукивающую дрожь, некомфортно водил плечами, но предпочитал не конфликтовать, справедливо опасаясь удара и в правую, и в левую щеку.

– А Вы почему не пристегиваетесь? – как будто разбудил Анатолия Петровича ласковый голос.

Стюардесса наклонилась к нему с видом добродушной, но уже начинающей выходить из себя, учительницы младших классов, чтобы помочь нерадивому ребенку со школьным заданием.

– А казаки не пристегиваются... – было хотел отшутиться он, но ее уверенные и на удивление ловкие девичьи руки уже пытались защелкнуть ремень на его большом животе.

– Ну, Вы хоть, гражданин, выдохните чуть-чуть, – взмолилась она и посмотрела на Анатолия Петровича таким умоляющим взглядом, что он ощутил, как душа сама невольно вылетает из него.

– Пожалуйста, не надо так дышать! – все же возмутился впереди сидящий пассажир, от волнения немного картавя. – И не стучите мне по голове! Я не барабан.

Этот гражданин явно осмелел при появлении стюардессы и решил высказать все свои накопившиеся претензии вслух.

– И стакан томатного сока, если можно... – обратился он к стюардессе, тряся аккуратно стриженной бородкой.

На нем были круглые ретро очки-пенсне, которые он все время придерживал, чтобы они не упали.

Стоит заметить, что перегар от Анатолия Петровича источался нешуточный, но он специально выдохнул из себя все легкие в сторону недоразумения, в котором он признал господина с газеткой из автобуса.

– А, Лев Давидович! Какими судьбами! – обрадовался наш герой. – Я все смотрю на Вас и думаю, где я мог прежде видеть Ваш отполированный затылок... Ну что там, всю газетку прочитали? Там случаем в разделе «реклама» качественные ледорубы не продаются?

– Я еще газету не прочитал, уважаемый, – огрызнулся мужчина, похожий на беглого Троцкого, и демонстративно уткнулся в свою истертую уже до дыр газету на испанском. – Девушка, не забудьте, пожалуйста, про сок. Мне таблетку запить надо. У меня, кажется, гастрит обостряется.

– Конечно, – пропыхтела стюардесса, все еще пытаясь сладить с ремнем безопасности. – После взлета я непременно подойду.

Анатолий Петрович прочитал на бейджике, закрепленном на блузе, имя «Светлана» и поморщился.

– Увы, не дева Орлеанская... увы!

– Ну, гражданин, ну право, – сказала тихо стюардесса, пытаясь войти в положение Анатолия Петровича. – Ну, что же Вы так себя ведете? Не успели еще пристегнуться, а уже пол салона в самолете против себя настроили?

Ей наконец-то путем невероятных усилий и манипуляций все-таки удалось справиться с ремнем. Она выпрямилась и отряхнулась, будто потоптанная курочка.

– Ну вот и порядок, – обрадовалась она, поправляя на себе желтую юбку. – Сейчас взлетаем.

– А не соизволите ли Вы, – встрепенулся Анатолий Петрович, начиная витиеватыми издательскими фразами, – не будете ли Вы столь любезны... – и, заметив ее непонимание, щелкнул поясняюще себе по шее, – и что-нибудь закусить, дочка, бутербродик какой-нибудь. Как говорили древние римляне: «Pacta sunt servanda».

– Гражданин, – сделала серьезное лицо стюардесса. – Вам придется немного потерпеть. Бар открывается только на высоте семь тысяч метров.

ЗОНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Всех пассажиров попросили выключить телефоны. Стюардесса по имени Света ушла, виляя желтым упругим мячиком, и Анатолию Петровичу стало еще тоскливее. Он опять вспомнил о деде и нахмурился. Как-никак дед был ему отцом.

«Небось сейчас пшенку с луком варит на химозном молоке... Ждет моего звонка...», – предположил наш герой, чувствуя, как сжимается от тоски сердце.

В это время он обычно звонил деду, и они орали в трубку, напрасно стараясь перекрычать друг друга, потому что дед, в прошлом артиллерист, был глухой, а Анатолию Петровичу не хватало терпения говорить спокойно. Причем, слуховой аппарат у деда был, и не один, но с ними всегда что-то случалось: то ломались, то не были настроены. Настроение у всех было агрессивное, лютое. С таким настроением наверно идут в атаку на пулеметы. Говорили они каждый раз об одном и том же: вспоминали СССР, ругали действующую власть и капиталистов, считая всех идиотами. Причем мат стоял такой, что все комнатные цветы вяли на корню, непременно проходились по родственникам, особенно доставалось зятю старшей дочери Анатолия Петровича.

Самолет качнулся, выезжая на разгоночную полосу. Пассажиры притихли, с замиранием сердца ожидая взлета.

– Ну, куда ж он летит, дурак, в такую погоду? Закрылки бы выпустил, – покачал головой Анатолий Петрович, ругая пилотов, как ему казалось, за непрофессионализм.

Тем временем, самолет стремительно начинал набирать скорость и вдруг оторвался от земли.

– Летим! Летим! – восторженно крикнула молодежь в середине салона и стала хлопать радостно в ладоши. – До свидания, Москва! Адъес, Россия!

Анатолий Петрович посмотрел в иллюминатор, залепленный мокрым снегом. За окном ничего уже не было видно. Одна глухая темень и только.

– Да-с, – проговорил он вслух. – Шумахеры, бл..

Пассажир, похожий на беглого Троцкого, отложил газету и надел наушники, чтобы не слышать Анатолия Петровича, который то и дело комментировал полет. По радио звучал веселый и энергичный Рикки Мартин. Анатолий Петрович тоже надел наушники, но не нашел в этом занятии ничего интересного. Он вообще не понимал такую музыку.

«Много шума из нечего, – нахмурился он. – Малинина что ль включили б».

Троцкому напротив исполнение нравилось, и он даже в момент какого-то исключительного экстаза стал вздрагивать, словно пораженный на электрическом стуле, раскачивать плавно головой, не меняя положение шеи, точь в точь как индийский йог, и подергивать плечами и коленками.

– Совсем спятил дядя, – выругался Анатолий Петрович, поглядывая на господина с пенсне с неким подозрением.

О, если бы наш герой знал о сексуальной ориентации этого шумного исполнителя, то соседу впереди, танцующему под «La vida loca» было бы не сдобровать. К гомосексуалистам и их пагубному по убеждению Анатолия Петровича влиянию на неокрепшие умы гоев он был, мягко сказать, крайне враждебен и часто действовал открыто и нравоучительно – то есть бил кулаком в лоб, точно выбивая последнюю дурь как бы из пустой головы. Некоторым это, кстати, помогало. Ведь кулак у бьющего был тяжел и внушителен. Бедняги обычно приседали на пол и улыбались той неопикуемой и ничем не объяснимой улыбкой только что исцелившегося от смертельного недуга пациента.

Тем временем, Троцкий явно напрашивался на эксцесс. Анатолий Петрович вдруг услышал звон сережек в ушах впереди сидящего и нахмурился.

«Ты какой-то не такой, попу трогаешь рукой...», – выговорил было наш герой свою излюбленную фразу в подобных случаях, как вдруг почувствовал дикуую усталость.

В теплом салоне его немного разморило. Сказывался перелет, а точнее давало о себе знать особое состояние оторванности патриотически настроенного нашего героя не только от Родины, но и от самой земли-матушки в прямом и переносном значении этого слова. Он уже закрыл глаза, как услышал дребезжание тележки. Стюардесса с напитками и закусками из бара шла по коридору и предлагала всем желающим. Но желающие казалось не ели и не пили целый год, и когда она дошла до хвоста самолета, ее тележка была почти пустой.

Троцкий очень расстроился, что томатный сок кончился, и удовлетворился яблочным нектаром, поворчав, что соломинка потерялась. Анатолию Петровичу тоже пришлось ворчать на девушку.

– Что это? – спросил он с недоверием, разглядывая просто крошечную бутылочку водки. – Да тут граммунька одна. Это что за успокоительные капли?

– «Столичная», – ответила стюардесса гордо. – У нас с ними прямой контракт. Специально для пассажиров нашей авиакомпании. Да и общее положение запрещает распитие алкогольных напитков емкостью более пятидесяти грамм.

Анатолий Петрович перевел взгляд с бутылочки на девушку, словно пытаясь понять, шутит она или говорит серьезно.

– Если с бутербродом брать будете, то с Вас тысяча девятьсот пять рублей. И, пожалуйста, без сдачи, если наличными.

На подносе лежал кусочек белого хлеба с кусочком масла и парой красных икринок.

Анатолий Петрович хотел возмутиться на весь салон, заявить во всеуслышание, что за такие деньги можно купить один литр хорошего вискаря и батон докторской у себя в «Пятерочке». Он уже глотнул воздуха во все легкие, чтобы покарать всех причастных к этому унижению и даже мошенничеству, но стюардесса по имени Света мило улыбнулась.

– Я Вас услышал, – сказал он спокойно, давая сверху еще пятьсот рублей. – Сдачи не надо, – потом для ясности еще раз повторил. – Не надо. *Pacta sunt...*

– *Servanda*, – dokonчила за него стюардесса, обрадовавшись щедрым чаевым.

Никто из пассажиров ей и рубля не дал.

– Позвольте... – сказала она, сама откручивая крышечку от бутылочки. – Вот, пожалуйста.

Затем девушка в униформе слегка наклонилась над Анатолием Петровичем, чтобы никто не слышал ее, как будто она собиралась отрыть важную военную тайну.

– Скоро будет стандартный ужин, – многообещающе прошептала она. – Я Вам две порции принесу.

Этот ласковый шепот, льющийся так интимно, так сладко из ее алых губок до дрожи тронул нашего героя. Он не рассчитывал на такие поблажки.

– Служу Советскому Союзу! – отдал честь Анатолий Петрович, сделав обманную попытку привстать, и набросился на скудный паек.

Стюардесса укатила тележку, а он еще минуты две принюхивался к бутылочке.

– И верно водка... – решил он и осторожно пригубил.

Место у нашего героя, как оказалось, было «козырное». Каждый пассажир, выходящий по нужде, проходил мимо него и непременно бросал на Анатолия Петровича возмущенные взгляды, так как тот выставил в коридор свое ноющее от неудобного положения колено. Анатолий Петрович просто упивался дискомфортом окружающих его людишек. Он даже в какой-то момент пожалел, что колено у него короткое, и что некоторые пассажиры сухонькой комплекции обходят его с гимнастической ловкостью.

– Расселся, барин... – не упустила возможности ужалить его старушка, которой он еще до взлета помогал с саквояжем. – Не самолет, а кабак...

Она грубо оттолкнула колено, фыркнула на весь салон и прошуршала мимо Анатолия Петровича своими шлепанцами до своего места.

Следующим пошел молодой священник. Он ловко перепрыгнул через препятствие, придерживая полы своей просторной одежды, от которой пахло воском и ладаном. Анатолий Петрович аж поперхнулся, чего не было с ним уже лет пятьдесят, а то и более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.